

Иногда можно встретить утверждение о том, что Сталин терпел марксизм, поскольку "было надо". Левые критики говорят об этом с негодованием, "национал-сталинисты" — с одобрением, а либералы — с пренебрежением, дабы лишний раз показать всю чиничность "тирана". Упрощать данный вопрос не стоит. Сталин, конечно же, искренне считал себя последователем Маркса, настоящим марксистом. Другое дело, что сам марксизм он понимал своеобразно, как, впрочем, и любой творческий марксист XX века. В принципе, сталинскую идеологическую модель можно назвать национально-государственным марксизмом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ — ВРЕДНЫЙ И СПАСИТЕЛЬНЫЙ

И тут необходимо сказать несколько слов о том, чем стал для России марксизм в 1917 году, когда к власти пришла партия большевиков — революционных марксистов. Как представляется, в тех исторических условиях государствообразующей идеологией мог стать только марксизм, причём именно в своём наиболее радикальном — большевистском — варианте. Надо иметь в виду, что русская общественно-политическая мысль находилась тогда (как, впрочем, и вся страна) в состоянии хаоса, вызванного крушением прежних устоев. Ей нужна была твёрдая опора, некий надёжный стержень. И как раз марксизм с его набором чётко сформулированных и жёстко утверждаемых положений на роль такой опоры-стержня подходил практически идеально. Вне всякого сомнения, ему были присущи и догматичность, и схематизм, которые в 1950-х—1970-х годах сдерживали хотя бы какое-то развитие "теории". Однако во время революции и гражданской войны распадавшееся национальное сознание очень нуждалось как в догме, так и в схеме и страстно жаждало их. "Классы", "производительные силы" и "производительные отношения", "базис", "формации", "надстройка" — всё это как бы раскладывало социальное бытие по полочкам.

Могут возразить, что русская мысль и сама бы дошла до своего "марксизма", без всяких "импортных" идеологий. Да, скорее всего, так и произошло бы — при наличии определённых условий, необходимых для относительно спокойного творчества. Но в том-то и дело, что таких условий не было. Страна оказалась захвачена врастпех мировой войной и революцией. А рядом находился Запад с его пакетом идеологий, из которого срочно выдернули одну, наиболее подходящую национальным нуждам.

И ведь процесс этот был практически всеобщим. Показательно, что и русское народничество (сверхпопулярные эсеры с их миллионом партийцев) ухватились именно за марксизм, — здесь проявилось желание встать на какую-то твёрдую почву. Но они промахнулись, пойдя именно за меньшевиками, признав правоту их взглядов, согласно которому капитализм в России должен развиваться ещё очень долгое время, пока не станет главенствовать абсолютно везде. Меншевистский марксизм отпадывал социализм "на потом", представляя его делом отдалённого, посткапиталистического будущего, а массы это увлечь не могло. В то же время марксизм большевистский предлагал делать социалистическую революцию немедленно, "здесь и сейчас". Поэтому массы и пошли именно за ним.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ
АЛЕКСАНДР ЛИВАЗОВ
ВАРДАН БАГАДСАРЯН
СЕРГЕЙ БЕАКИН
ЕКАТЕРИНА ГАУШИК
МИХАИЛ ДЕЛЯГИН
АЛЕКСАНДР ЕЛИСЕЕВ
ЮРИЙ ЖУКОВ
АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ
ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ
АЛЕКСАНДР НАГОРНЫЙ
ВЛАДИМИР ВИННИКОВ
ВИТАЛИЙ АВЕРЬЯНОВ
ЕВГЕНИЙ СПИЦЫН
ШАМИЛЬ СУАТАНОВ
АНАРЕЙ ФУРСОВ
ОЛЬГА ЧЕТВЕРИКОВА

СТАЛИН ★ ЗДЕСЬ

СТАЛИН
ЗДЕСЬ

НАШЕ ЗАВТРА

1280 170 L 5 540081 8 5
9 785604 58185

design amilton

ВИЗДАТЕЛЬСТВЕ "Наше завтра" вышла книга "Сталин здесь". В её основе лежат выступления участников конференции "Сталинские чтения". Среди авторов — Александр Проханов, Юрий Жуков, Евгений Спицын, Михаил Делягин, Ольга Четверикова, Александр Нагорный и многие другие.

Эта книга — не панегирик Сталину и не политический документ. Это попытка разобраться, что такое сталинская система и каково её значение для наших дней. В качестве эпиграфа к книге можно было бы использовать фразу, которую приписывают Шарлю де Голлю (скорее всего, она действительно сказана им): "Сталин не ушёл в прошлое — он растворился в будущем".

Сталинскую систему каждый автор рассматривает со своей точки зрения, но все они делают это в контексте русской истории. Потому что споры стали-

нистов и антисталинистов совершенно бесполезны. Это "двоевывание" старых споров — споров эпохи, которая ушла в прошлое.

Сталин — не про это, а про русскую историю в целом, про стратегии русской истории, про управление русской историей и управление мировыми процессами. Огромным плюсом сталинской системы было то, что сталинское руководство в значительной степени (в той степени, в которой это позволяла экономика Советского Союза, мировое коммунистическое, рабочее движение, отчасти создавшее эту систему, а отчасти затем созданное ею и вошедшее с нею в противоречие) направляло исторический процесс.

Другое дело, что наследники Сталина упустили историческую инициативу, в середине 1970-х годов она была упущена окончательно. А потом пришли не просто

"мелкота", а пигмеи, которые начали плясать на сталинской могиле. Причём они в эту могилу превратили весь СССР и бездарно его профукали.

"Сталинские чтения" и книга "Сталин здесь" — это серьёзный, деполитизированный разговор о будущем. Сталин — это значительно более широкая проблема, чем политика и идеология. Сталин — это про стратегию выживания страны, цивилизации во враждебном окружении. И в этом плане он сверхактуален. Ситуация для России будет ухудшаться, Запад постарается создать условия а-ля 1991 год и на этот раз не промахнётся. Но надо делать так, чтобы он промахнулся, и сталинское наследие в этом отношении должно нам помочь. Создавая новое, нужно брать из прошлого, как говорил Жан Жорес, не пепел, а огонь.

Андрей ФУРСОВ

Книгу можно приобрести в День-магазине: +7 (499) 350-17-79, день-магазин.пф, pochta@den-magazin.ru

Александр ЕЛИСЕЕВ

МИССИЯ ВОЖДЯ

Национально-государственный марксизм страны Советов

Железная марксистская основа большевизма привлекала к нему самые разные элементы. В том числе и сугубо государственнические, которые видели в ней залог спасения распадавшейся России и создания новой, мощной индустриальной державы. (Характерно, что по мере строительства социализма усиливалась именно государственническая интерпретация марксизма, весьма далёкая от его изначальной сути. И, действительно, экономический детерминизм марксизма программировал страну на быструю, форсированную индустриализацию, которая была ей столь необходима — прежде всего, в военных целях. Тут нужно заметить, что вообще, теоретически, в кабинетном, так сказать, плане этот самый детерминизм "не есть хорошо". Но в тех конкретных исторических условиях он оказался воистину спасителем.

Да и сам экономический детерминизм большевиков-марксистов был весьма условен. Они уделяли огромное внимание государственно-политическим институтам, считая, что таковые смогут сделать многое из того, чего пока не может сделать экономика. Напротив, меньшевики ждали, пока капиталистическая экономика "раскачается" во всю мощь и достигнет западных высот.

ПОЛИТИКА ПРЕВЫШЕ ЭКОНОМИКИ

В ходе строительства мощного индустриального социалистического государства Сталин эту тенденцию только усилил. Он рассматривал социализм, преодолевающий стихийность рынка и обеспечивающий планомерность развития, как могучее средство, призванное усилить страну и обеспечить её независимость. Именно такое понимание он и продемонстрировал на встрече с коллективом нового учебного политзоинститута, которая состоялась 29 января 1941 года. Тогда Сталин сказал: "Первая задача состоит в том, чтобы обеспечить самостоятельность народного хозяйства страны от капиталистического окружения, чтобы хозяйство не превратилось в придаток капиталистических стран. Если бы у нас не было планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путём, всё начиналось бы с лёгкой промышленности, а не с тяжёлой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с ног на голову, вернее, с головы на ноги... На первых порах приходится не считаться с принципом рентабельности предприятий. Дело рентабельности подчинено у нас строительству прежде всего тяжёлой промышленности".

По сути, политическое здесь однозначно поставлено над экономическим. Исследователь П. Краснов проанализировал это высказывание и обратил особое внимание на столь "низкую" оценку фактора рентабельности. По его мнению, в большой системе есть

разные уровни оптимизации, и от их успешного функционирования зависит судьба отдельных элементов, но не всей системы. При капитализме оптимизация происходит в основном на уровне отдельного предприятия (корпорации). А если, скажем, одному предприятию удалось разорить другое, то это означает оптимизацию всего лишь одного из уровней. Но при этом вся система в целом не оптимизируется. "СССР же предлагал свою, невиданную ранее модель — оптимизация на уровне всего общества, включая воспитание, образование, медицинское обслуживание, безопасность и многое другое, — пишет Краснов. — Эта система была исходно спланирована как интегральная, то есть не делимая на части, как не делим на жизнеспособные части человеческий организм. Обратим внимание на слова о том, что рентабельности не придавалось большого значения только "на первых порах", следовательно, механизм рентабельности предприятий исходно планировался, но должен был быть запущен в положенное ему время, когда более высокий уровень общественной оптимизации уже был предвари-тельно настроен" ("Сталинское экономическое чудо").

Именно такая вот интегральная система вкупе с политическим (национально-государственным) "детерминизмом" позволила СССР сохранить независимость даже в условиях жуткой послевоенной разрухи. И не только сохранить, но и восстановить хозяйство в самые сжатые сроки, которые потрясли весь мир.

ГОСУДАРСТВО ПРИ КОММУНИЗМЕ

Марксизм и марксистов часто упрекают в утопическом ожидании того, что государство отомрёт и возникнет некое абсолютно самоуправляемое общество. Действительно, для некоторых "классиков" были характерны подобные ожидания (они ожидали также отмирания наций, собственности, семьи). По сути, это была гипертрофированная реакция на все те ужасы, которые породила капиталистическая эксплуатация того времени. Чудовищное неравенство и такую же чудовищную несправедливость европейские социалисты XIX века возмарились преодолеть ликвидацией всех существенных различий, создать некое абсолютно однородное сообщество, всемирный универсум.

На необходимость отмирания государства особое внимание обратил Ф. Энгельс в своём знаменитом "Анти-Дюринге" (1878 год): "Государство было официальным представителем всего общества, оно объединяло его в одной видимой организации, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государством того класса, который сам являлся представителем всего современного ему общества: в древности — государством граждан-рабовладельцев; в средние века — феодального дворянства; в наше время — буржуазии. Сделавшись, наконец, действительным представителем всего общества, оно станет излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет необходимость в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию".

Ленин, разумеется, соглашался с классиками, но был в этом вопросе достаточно осторожен, утверждая в работе "Государство и революция" (1918 год), что "не может быть и речи об определении момента будущего "отмирания", тем более что оно представляет из себя заведомо процесс длительный". Ещё более осторожен был Сталин, который в 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) сильно "прошёлся" по "непозволительно бесчному отношению к вопросам теории государства" и открыто раскритиковал самого Энгельса. По мнению вождя СССР, классик научного социализма недостаточно учитывал фактор международной обстановки. При этом вождь поднял вопрос о судьбе государства при коммунизме: "Мы идём дальше, вперёд, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне, причём понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки".

Если вздуматься, получается следующее: Сталин ориентировал партию на то, что государство будет существовать всегда. Конечно, он сделал оговорку — если не будет ликвидировано капиталистическое окружение. Но это уже была дань "фундаментализму".

ВЕЧНЫЕ НАЦИИ

Также можно утверждать, что Сталин допускал и сохранение наций при коммунизме, тогда как классики марксизма писали об их отмирании (вместе с государством). Хотя, например, Ленин в работе "Детская болезнь левизны в коммунизме" (1920 год) утверждал, что национальные и государственные различия "будут держаться ещё очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе".

Сталин, как и в отношении государства, был ещё более осторожен в этом вопросе. В работе "Национальный вопрос и ленинизм" (1929 год) он полемизировал с теми партийцами, которые утверждали, что нации будут отмирать по мере строительства социализма. Сталин это категорически отрицает. Согласно ему, нации, напротив, будут расцветать. "Только на втором этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, по мере того как будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство — вместо мирового капиталистического хозяйства, — только на этом этапе начнёт складываться нечто вроде общего языка, ибо только на этом этапе почувствуют нации необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык — для удобства сношений и удобства экономического, культурного и политического сотрудничества, — подчёркивает генсек. — Стало быть, на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно. Возможно, что первоначально будет создан не один общий для всех наций мировой экономический центр с одним общим языком, а несколько зональных экономических центров для отдельных групп наций с отдельным общим языком для каждой группы наций, и только впоследствии эти центры объединятся в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком".

И уже только после этого Сталин довольно-таки скупо описывает процесс окончательной интернационализации: "На следующем

этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдёт в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками, национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку".

Как видно, об отмирании наций Сталин говорит неохотно, отдавая дань классикам. Судя по всему, он вполне допускал возможность их сохранения при коммунизме — так же, как он это делал (в несколько замаскированной форме) в отношении государства. Это становится очевидным из его отношения к языку. В своей, уже более поздней, работе "Марксизм и вопросы языкознания" (1950 год) Сталин подчёркивал, что язык вовсе не является надстройкой, которая подчинена базису: "Язык порождён не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык".

Сталин вообще выделял язык как нечто особое, не замкнутое в рамки каких-то формаций и эпох: "Язык, его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукты ряда эпох". Таким образом, язык сохраняется со сменой формаций. А ведь он, с точки зрения Сталина, есть важнейшая характерная черта нации. В своей работе "Марксизм и национальный вопрос" (1913 год) он даже ставит её на первое место: "Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры". Складывается устойчивое впечатление, что Сталин готовит своего читателя к мысли о том, что нация не отомрёт никогда, даже при коммунизме (кстати, именно такую трактовку его взглядов, изложенных в "Вопросах языкознания", даёт известный нациевед Курт Хюбнер).

НАДКЛАССОВАЯ СУТЬ ГОСУДАРСТВА

В заключение надо рассмотреть вопрос о классовом характере государства, на котором столь настаивали Маркс и его последователи. Как представляется, в этом они одновременно и правы, и неправы. Прежде всего надо признать (как бы кто ни относился к самому марксизму), что классы — это реальность, а не какая-то там "коммунистическая выдумка". Причём классы существуют именно в марксистско-ленинском понимании. В самом деле, на исторической сцене действуют "большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей) частью определённого и закреплённого в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают" (В.И. Ленин, "Великий почин"). Другое дело, что в марксизме абсолютизируется это самое классовое деление, но само его наличие не подлежит никакому сомнению (опять-таки, здесь сказалось потреснение ранних социалистов, которым открылась вся бездна существовавшего тогда классового неравенства).

Любое государство вынуждено так или иначе поднимать над классами, для того чтобы регулировать общественные отношения, не дать борьбе за обладание средствами производства перерасти во всемогущее разрушение. В принципе, это признавали и сами классики. Так, уже цитированный выше "анти-государственник" Энгельс пишет о временах, когда классы только возникали: "В каждой первобытной общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешения споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах... политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотов, последовательно расцветавших, а потом погивавших, — каждая из них знала очень хорошо, что она, прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было и самое земледелие".

Даже и классово ангажированное государство часто вынуждено сдерживать господствующие олигархии — в их же собственных интересах, а также и в интересах всего общества, не допуская его сползания в хаос или предвращая порабощение извне. Если бы не было этой органической "надклассовости", то оно (государство) просто никому не было бы нужно.

Между тем у государства есть и своя собственная "классовость". Оно опирается на некий слой людей, специализирующихся на регулировании общественных процессов. Этот слой именуется чиновничеством или бюрократией. По сути, речь идёт о ещё одной "большой группе людей", которая также находится в некотором отношении к собственности, к средствам производства. И она всегда, так или иначе, ведёт себя как класс, хотя по природе своей классом и не является. Особенно ярко это проявляется тогда, когда с политико-экономической арене устраняется олигархия. Так произошло после 1917 года, когда "новая" — старая! партийно-государственная бюрократия максимально приблизилась к положению господствующего класса. На это часто указывали самые разные критики сталинизма (от М. Джиласа до О. Штраассера). Но это отлично понимал и сам Сталин, с негодованием говоривший о "проклятой касте" партийчиновиков. И он пытался одолеть эту касту разными (порой и весьма жёсткими) методами. В конечном счёте верх взяла сама "каста", которая в 1987–1991 годах проявила максимум классовости, развалив СССР ради грядущего "распила" средств производства, тем не менее весьма действиями Сталин успел отбить лет на тридцать у "касты" охоту "пилить" страну.

Поэтому мало убирать с исторической сцены олигархию, надо ещё и предостеречь возможность реализации классового потенциала бюрократии. Эта "большая группа людей" должна стать как можно меньшей. Также следует минимизировать и её административное влияние. Разные административные ведомства следует заменить коллегиями экспертов, крупные административные образования — самоуправляемыми общинами. К последним должно перейти как можно больше полномочий. И одновременно необходимо усилить власть правителя, главы государства (импаторская модель "Царь и Советы"). Любой глава объективно заинтересован в том, чтобы возвышаться над всеми группами и сдерживать наиболее могущественные из них, чтобы всегда стремиться превратить его в совершенно послушную фигуру, инструмент реализации собственных олигархических устремлений. Чем меньше бюрократическая "большая группа людей", чем слабее её влияние, тем больше и сильнее "личная" власть главы государства, тем успешнее государство выполняет свою надклассовую миссию.

Александр ДОМРИН

ВОТ ТЕБЕ И УЙГУРЫ...

NBC как она есть

НИКОГДА НЕ ПРИЧИСЛЯЛ СЕБЯ к уважаемой профессии журналиста. Но с детства восхищался талантом Элмора (для тех, кто не в курсе, имя означает "Маркс" — Энгельс — Ленин — Октябрьская революция) Стурра, сына председателя Верховного Совета Грузии, много лет назад "выбравшего свободу" 1 и июня этого года скончавшегося в Миннеаполисе, штат Миннесота.

Не меньше восхищение вызывали книги, статьи, телерепортажи Валентина Зорина или Генриха Боровика. Вопреки сказкам о государственном анти-сепатизме в СССР еврейское происхождение не мешало первому защитить докторскую, а второму — стать ещё и известным драматургом. (В СССР был известен анекдот о разговоре Генри Киссинджера с Валентином Сергеевичем Зориным. "Кто Вы по национальности?", — спрашивает Киссинджер. "Русский!", — отвечает Зорин. "Ну, тогда я американский... ", — со вздохом говорит Киссинджер. Они поняли друг друга!)

Несколько позже предметом восхищения стали американские репортёры-расследователи чудовищных скандалов в США: Уотергейта (Боб

Вудворд и Карл Бернштейн в The Washington Post), войны во Вьетнаме (Pentagon Papers в The New York Times), коррупционной сделки "Иран—Контрас" или многочисленных публикаций в газете The Boston Globe 2002 года, когда только в одной Бостонской епархии Римско-католической церкви были выявлены и обвинены 249 священников-педофилов, жертвами которых стали более 1000 детей.

Как поётся в песне группы "Воскресение" конца 1970-х годов, "Боже, как давно это было, помнит только мутной реки вода..."

* * *

Накануне женевской встречи президентов России и США в Москву прибыл корреспондент американской телекомпании NBC. Не буду комментировать всё явно плохо подготовленное интервью Кира Симмонса с Владимиром Путиным. Остановлюсь только на двух моментах.

По утверждению американского интервьюера, в КНР "миллион уйгуров сейчас находится в концлагере". Откуда такая забота США о мусуль-

манах в Китае? И насколько надёжен источник о "миллионе уйгуров"?

В Америке представление местных жителей о географии и о жизни за пределами их школьного или избирательного округа более чем странное. Помню, как моего приятеля-баскетболиста в штате Айова пригласили играть за баскетбольную команду в Эстонии. Он пошёл в местную публичную библиотеку, взял географический атлас мира, долго искал Эстонию, но не нашёл и нигуда не поехал. В интернете можно легко найти скриншоты "информационных" программ телеканала CNN, когда ведущие находили Украину на границе между Афганистаном и Пакистаном или когда заявляли, что Словения строит стену от нелегальных мигрантов на границе с... Австралией!

Но вернёмся к уйгурам. После "нападения на Америку" 11 сентября 2001 года — оставим за скобками вопрос, кто организовало это "нападение" — и вторжения США в Афганистан в одном из лагерей "Аль-Каиды" были захвачены и благополучно доставлены в концлагерь в Гуантанамо 22 уйгура. Но пробыли они там относительно недолго.

Почему? Очень просто! Линия защиты уйгуров, которых допустили до адвокатов, что само по себе очень странно, строилась следующим образом. Да, мы действительно обучались военному делу в лагере "Аль-Каиды", учились стрелять, делать и закладывать мины, взрывать здания и мосты. Но! Мы любим Америку! После обучения военному делу мы собирались вернуться на родину, чтобы защищать страдающих уйгуров, как мы, от "китайских оккупантов".

Аргументация уйгуров власти Гуантанамо принята и удовлетворила. Вполне в духе американской пословицы: "Те, кто для одних террористы, для других — борцы за свободу". Но возник вопрос: "Мы-то сами прекрасно понимаем, что на самом деле представляют из себя эти головорезы! Мы-то сами прекрасно понимаем, что эти "борцы за свободу" не должны ходить по улицам американских городов! Куда же их девать?"

Американцы начали выкручивать руки своим сателлитам. И нашли четыре страны, куда можно было переместить уйгуров в качестве "гастарбайтеров": Бермуды, Палау, Сальвадор и Албания. Власти за морской британской территории Бермуды вскоре возмозились: "Заберите эти бандитов от нас!" Уйгуры из Сальвадора сами эту страну тайно покинули и предположительно скрываются в Турции.

Если Кир Симмонс решил выступить в роли адвоката такого рода уйгуров, то реакция как властей КНР, так и президента России вполне предсказуема и обоснована.

Ещё более смехотворным было перечисление журналистом NBC людей, умерших или убитых за время президентства Путина. Поистине "смешались

в кучу кони, люди": Анна Политковская, Александр Литвиненко, Сергей Магнитский, Борис Немцов, Михаил Лесин.

Напомню: в советские времена пятачок перед посольством СССР в Вашингтоне был назван Sakharov Plaza. В наши дни пятачок перед новым зданием посольства РФ на Висконсин-авеню американские власти назвали Boris Nemtsov Plaza. Ничего странного! Какой стране служишь, та тебя и чувствует!

Последнее имя в списке Симмонса особенно удивительно!

В 2015 году мультимиллионер и владелец нескольких поместий в Калифорнии Михаил Лесин без семьи прилетает в Вашингтон и селится в дешёвом отеле Dupont Circle Hotel. Хорошо знаю это место! В мае 1991 года — 30 лет назад! — учился в расположенном поблизости Институте международного права. Иногда предлагал там встретиться американским друзьям, но встречал их удивлённые взгляды, пока кто-то не объяснил, что "Дюпон-сёркл" — это аналог сквера перед Большим театром в Москве в советские времена.

По первоначальной версии семьи Лесина, он умер от сердечного приступа. Год спустя медики дезавуировали эту версию и дали свою официальное заключение: Лесин умер от удара тяжёлым предметом.

Лесин знал, куда он едет и знал, где он селится. Но, видимо, что-то пошло не так. А виноватой всё равно будет объявлена Россия!

* "Аль-Каида" — запрещённая в РФ террористическая организация

наше завтра

магазин

ДЕНЬ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ТАИНА

ВОПРОС В ЛОБ

ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

АНТАРКТИДА

РУССКАЯ СЕНА

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН

ПРОБЫВАЮЩАЯ МЕТА

МИРОВОЕ ЗЛАТЫ

БРИТАНСКИЙ РЕИХ

ВО ИСТОРИИ МИРОВОГО БОИ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ДЕНЬ

НАГОРНЫЙ

КОЛПАКИДИ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ТАИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАРОДОВ

ОТКРЫТИЕ ДНК

ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ

+7 (499) 350-17-79